

Наталья Иванова

**РЯБЬ ИЛЛЮЗИЙ
И СНОВ**

СТИХИ-Я

Наталья Александровна Иванова

Рябь иллюзий и снов. Стихи-я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390476

ISBN 9785448529337

Аннотация

В сборник вошли стихотворения с 1999 по 2017 год. Смешанные стили-жанры-темы-настроения. От постоянного участника московских свободных микрофонов, лит. салонов и др.

Содержание

Одиночество	5
Междумирье в трамвайной остановке	7
Жертва	9
Садовник	11
Лед	13
Охотник	15
Под окошком стою побирушкой	16
Рябина	17
Арлекин	19
Кот. Диалог на террасе	20
Я здесь? Не здесь?	21
Юродивый	22
Сусальный ангел	23
Бесова елка	24
Поклонение Сатурну	25
Антрацит	27
Прощеное воскресенье	28
Еврейская ночь	30
Развязка	31
Змея	33
Тряпичный мальчик	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рябь иллюзий и снов Стихи-я

Наталия

Александровна Иванова

Иллюстратор Наталия Александровна Иванова

© Наталия Александровна Иванова, 2017

© Наталия Александровна Иванова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2933-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одиночество

То печать одиночества
Надо мной неотступно,
То всей жизни беспочвенность
Ощущаю подспудно.

Все чужое и душевное,
Одинокое, мрачное,
Все ко мне равнодушно,
Для меня – равнозначное.

Одиночество – точное,
И, увы, многогранное,
И в душе многоточия
Одиночества странного.

И в каком измерении
Измеряют безмерное,
Это чувство бессильное,
Это чувство бесменное.

Измеряется ль верностью,
Постоянством и точностью,
Дать бы определение,
Исцелить невозможностью,

И поставить в сомнение
Даже существование,
Отменить все затейное,
Или скрыть постоянное...

Все оставить, как есть,
Даже ведь в многоточии
Что-то можно прочесть,
И увидеть воочию.

Междумирье в трамвайной остановке

Однажды мы брели через луга,
Но показалось, что мира мало,
И тотчас нас настигнула пурга,
Не испугала, но растерзала.
И та пурга, разъединивши нас,
Так разбросала по белу свету,
Что сколь не рыщет мой звериный глаз,
Тебя все нету, тебя все нету.
И вот представь, случился же пустяк,
Да, на веревке – как на веревке,
Наткнулся через вечность на тебя,
В расщелине трамвайной остановки.
А мне уже почти что наплевать,
Когда усталость, что значит жалость?
И я без смысла начал напевать,
На смысл слов давно уж не осталось.
А где-то в междумирье между стен
Мой маятник сломался – не стыковка.
И в цепи бессистемности измен
Звеном распалась эта остановка.
Я расходился уличным дождем,
Я разбегался, даже плыл по лужам,
И был бы проткнут чьим-нибудь зонтом,

Не будь себе я в этот миг не нужен.
И спас опять единственную жизнь,
Которой, в общем, и не выбирают,
Затем прошелся лезвием по лжи,
Как хлеб кромсают, как хлеб кромсают.
Затем глотал ее беззубым ртом,
И задыхался, но не сдавался,
И перевязанный чужим бинтом,
От механических не-рифм я разрывался.

Жертва

Живи, закручивай банки с вареньем,
Не думай о том, чего не случилось.
Забудь о стуке сердца оленьего,
Забудь обо всем, сделай милость.

Несколько нищих стояли под окнами,
Патлами скорбно трясли на ветру,
Ветер их бил разбитыми стеклами,
Они развеивались к утру.

Не нужно бродить по асфальту битому,
Осенью, целые дни напролет,
Всему, что в тебе еще не убито,
Еще настанет черед.

Терзай же тогда истеричными пальцами
Нитки каменных бус.
Мраморных плит череда примерещится,
Легче станет нести свой груз.

Холодые улицы, ставшие домом,
Растворятся в перекрестках судеб,
Помнишь, наверно, каким же хлестким
Ты был когда-то, как ветки верб.

Кровью, кровью из сердца оленьего,
Чашу наполни-ка в ноябре.
Как бы не оправдали тебя, виновного,
С чашей на алтаре.

Вспомни, вспомни звезды зажженные
Песней в мертвую ночь.
Пой же, пой песню Несотворенного.
Не можешь? Что же. Баюкай дочь.

Садовник

Посвящается Sator

Скройся от крови бешеных листьев,
Скройся от серой, сырой полумглы,
Боль от тебя уже не зависит —
Меч появился из-под воды.

Бойся болезненно-бледного камня,
Проникновения внутрь свинца,
Не оборачивайся на ставни,
Иди один. Не скрывай лица.

Железо в кармане твоём бряцает,
И, значит, еще не начало конца.
Снег уже падает, но еще тает.
И ты идешь, не помня отца.

Чернеющая листва под ногами
Вберет в себя твои имена.
Полупустыми, нагими садами
Пройдешь насквозь, разроняв семена.

Ключи от неба сожмешь в ладони,
Уронишь в небо безмолвный крик,

И небо раскроется, да, садовник.
Двойное небо. Двойной родник.

Лед

Когда в глазах
Застыл черный лед,
Стой, кто идет?
Я. Переход.

Ворота на засове,
Снег не тающий.
Падающий вровень,
Пугающий.

Подающий камень
Во пламени,
Станешь светом,
А надо ли?

Поддающийся тлению,
Распадающийся.
Хочешь забвения?
Улыбаешься?

Выстроены фаланги,
Знамена качаются.
Ухмыляются ангелы,
Умиляются.

По всей округе
Собаки взвыли.
Заперт в круге,
Вход проломили.

Просили же – не ходи,
Не умолили.
Хватали же на ходу,
Не охранили.

Когда в глазах
Тает лед,
Не ходи в переход,
Попадешь в переплет
Решеток
Откуда кричит
Во весь рот
Ребенок.

ОХОТНИК

Я – Марк, Марк из мрака,
Чертова марка, чертов сатир,
Беглая бестия из зоопарка,
Решающая вопросы войны и любви.
Воющая бестия из пантеона,
Химера, свалившаяся с горы,
Я кукольник чертова легиона,
И чертова кукла своей судьбы.
Тряпичная кукла, потерянная во мраке,
Нелепый ключник, безглазый принц,
Охотник на галлюцинаторного орка,
Бродячий пес, сбежавший с цепи.
Слепой игрок на поломанной скрипке,
Порвавший струны, проникший в тень,
Блуждающий по развилке
У двух дорог, уходящих в день.

Под окошком стою побирушкой

Под окошком стою побирушкой,
Хотя еще не старушка,
Потому стою, что со мной скучно.
Скучно со мной, скучно.

Рябина

Перья летят, пух и перья.
Смотрю – не верю.
Багряной покров стелится,
Сажа на белых лицах,
Пух и перья...
Рябиной давленной на снег
Лягу.
Снег кровавый жнут
Ягаганом.
Светлеют лики,
Свет льется
Сквозь бойницы-оконца.
Солнечные блики
В глаза бьются.
Над стаей вороньей
Руки простерлись —
Воровьи.
Вербену жевать с ветвей,
Сжимать в ладонях.
Крик в рассвете застыл —
Славься!
На одном поле
Ложью молитвы
Колосятся.

Звоном колокола

Зайдутся.

Братья перелетят тьму —

Вернутся.

В светлый час, день весенний —

Славься!

Восстану из гроба —

Воздастся.

За черные перья,

За крик осенний,

За холод зимний,

И за рябину.

Арлекин

Поговорим о невозможном —
Лишь ты и я.

И невозможное возможно,

Ты, изумрудная змея.

Смертельной хваткой обласкаю,

Сорву лицо, как полумаску,

И смерть по позвонкам сыграет

Ту пьесу, что не без развязки.

Здесь стены серы, лица бледны,

Здесь ворон вьется над убитым,

Я, чередой смертей пронзенный,

Пройду сквозь полулабиринты.

Туда, в осколки зазеркалья,

Где даже божий свет померкнет,

Где морды корчатся шакальи,

Где арлекин лежит и дремлет,

Осколком зеркала убитый.

А тени все зовут и манят,

Напоминая о забытом...

Кот. Диалог на террасе

– Сегодня дивно цветут пионы, вы не находите, кот?

– О, как вы правы, они безупречны, и милы, как Бармаглот.

– Сегодня до странности тихий вечер, вы не находите, кот?

– О, как вы правы, и плавятся свечи, приоткрывая вход.

– И даже чудны сырые туманы, и вы так нынче чудны.

– О, как вы правы, сырые туманы сегодня также милы.

– Вы словно смотрите в свою тайну, зрачками ключи творя.

– О да, мадам, вы полностью правы, по совести говоря.

– Я сплю? Мне мерещится призрак, он движется от аллей...

– Вы правы снова, к вам едет рыцарь, вернувшийся из Теней.

Я здесь? Не здесь?

Я здесь? Не здесь?
Не утолю печалей.
Я слышал где-то смерти весть,
Оглохнув от молчанья.

Войди, откройся, светлый лик
Приимного покоя!
Я стал рабом, я в дверь проник,
Став для себя изгоем.

Я там, где вера не смогла
Расстять бледной тенью.
(Я был сожжен, увы, дотла
Любовью глаз оленьих).

И будет мрачен, сух и дик,
В тонах багряных
Вой пустоши, где я приник
К земле обетованной.

Юродивый

Не любил, а убил, —
Зачем держал?
Вожжи взял:
Уронил, зажал, смял.

– Мама, юродивый —
Это уродливый?
– Это человек такой,
Богу угодливый.

Тенью в углу двора
Неприметной,
Прячу лицо в ворот
От ветра.

Сусальный ангел

Не смотри, ангел маленький,
На кукол голеньких,
Треснули мои часы-ходики,
В браслете распались сердолики.
Призвать бы ангела сердобольного,
Чтоб пожалел нас, убогоньких,
С ролью избитой, плохонькой.
Растопи, ангелок, свою печечку
Детям с личиками старушек,
Подари еще одну вечность,
В обмен на мешок игрушек,
И садик из марципанов,
И коробку атласных бантов,
И прочее, и так далее,
Все, ангел, миленький, улетаем?
Не смотри, ангел маленький,
На куколок глупеньких,
Кукол голеньких,
Вот и треснули мои часики,
Сломались мои ходики.

Бесова елка

Ничто не вернется, ни розы, ни пепел,
Ничто, ни «должно», ни «могу»,
Здесь все преходяще, как ветер,
Лишь черти кружат на снегу.

Не надо, не смей, не заглядывай в щелку,
Отравишься зельем утрат,
Там боги играют в куклы под елкой,
Как некогда двое ребят.

И время там вмерзло в оконную наледь,
Стекланный, фарфоровый взгляд,
Иглой патефона застывшая память,
И ангелы в ветках не спят...

Поклонение Сатурну

В порыве обмануть судьбу,
Сомнения и разум выключив,
Говорю: Сатурн, будь милостив!
Он: Рад бы, да не могу.
Я уже одной ногой в Космосе,
А он в ответ ни гу-гу,
Я уже другой ногой в Господе,
А он все одно: не могу.
Я несую ему цветы алые,
А он смеется и свинцом давит,
И в безличье великой пропасти,
Хромоногий, сопровождает.
Алес, Шани, хромой ты кот,
Смотри, безликий, я – слепой крот,
Тыркаюсь, кувыркаюсь,
Не бьюсь, не ломаюсь,
Все ниц простираюсь.
Я к нему: будь же милостив,
А он как богач на вора
Посматривает, подыскивая
Метлу для такого сора.
..Который раз обращаюсь,
Но в круге все та же тьма,
Все те же перспективы,

Тюрьма, сума, судьба.

Антрацит

Я антрацит, я отсутствую,
Я выпадаю из ряда
Плена логики смыслов,
Значения их выкрадывая.
В черноте чернот буйствую,
Исхожу соками,
И, растворяясь в Господе,
Я отрицаю Бога.
Я антрацит, отражающий
Весь спектр реальности,
Падающий, дрожащий,
Вбирающий все тональности.
У мира себя выигрываю,
И в вакууме безличностном,
Я в пустоте вибрирую,
Воссоздавая смыслы.

Прощеное воскресенье

В воскресенье мы попросаемся,
Воскресение ведь прощенное,
Попросаемся, повидаемся,
В перекрестьях улиц мощных.

И расстанемся непрощеными,
В бесконечность улиц печальную
Разойдемся, во след доносится
Отголосок вальса прощального.

И посмотрят на нас из вечности
Мириады тварных созданий,
Подивятся на быстротечность,
Однородность наших признаний,

И разрушат миры осколочные,
Из останков от мирозданий,
Что текут сквозь нас, словно щелочи,
Чередою воспоминаний...

Мы расстанемся непрощеными,
Не простившись и не прикаявшись,
Мы расстанемся разлученными,
На осколки миров распавшись.

Мы расстанемся непощеными.

Еврейская ночь

Елене

Прикрой глаза ладонью,
Закусив свой рот,
В священном страхе.
Не пей крови вороньей —
Убьет.
Смотри, как бьется кровь
В перстнях,
Как на губах
У вурдалака...
Сегодня еврейская ночь,
Ночь священного брака.
Где солнца круг сошелся с лунным рогом,
И звездами усеялся покров,
Они звенят и пляшут над пологом,
И выкипает кровь
Из камня
Из камня душ,
Где в клетки заключен
Мой дух
Обвенчан? Разлучен?
..Смотри, как бьется кровь...

Развязка

Похоже, жизнь прошла зазря,
Я не люблю красивые развязки,
И где-то там, в углу, у фонаря,
С меня уже сдирают полумаску.

С меня сдирают кожу без ножа,
Личину, маски, прошлое, одежду,
Я обнажен. И, телом всем дрожа,
Я духом пал, я потерял надежду.

Бросался я в погоню за хвостом,
Забыв себя, и плюнув на манеры...
И налетел на ангела с хлыстом,
Он тоже ненавидел полумеры.

Он, как и я, не брал в расчеты
Личины, планы, мины, позы.
Перебирая, словно четки,
Мои кармические гроздья.

Он был безмерен и безбрежен,
Не обогнуть.
Судьба судьбою, неизбежность.
Не увильнуть.

Змея

Говорила, что яд целебен?
На, искусай, —
Я отслужу молебен.
На, искушай,
Надвое буду разделен.
Зови, приглашай,
Пляши и плавься,
Приходи, взывай,
В имени своем – славься.
Надвое разрежай,
В прах рассыпайся.
Пой мне, грезься, терзай,
В танце своем распайся.
Корчись, молись, пой,
Кровь растворяя, воя,
Солнце во мне раскрой
Перед волной приборя.
Переходя, пряди
Тонкие рваные нити.
Я говорю, смеясь:
Ты, о змея, прииди.

Тряпичный мальчик

Не вини меня,
Я раскрашенный мальчик,
Тряпичная кукла,
Цветной мячик
Выпал из рук,
Размалеванный лицами
Бесноватых подруг,
Над нами вращается,
Кривится, ломается,
Проткнутый спицей,
Стал степной птицей,
Замкнутый круг
Ежедневного олова,
Бей меня, бей, оторви мою голову,
Пока я на подмостках
В разноцветном тряпье,
Сшитом на вырост,
От злых кутюрье.
Пока я бьюсь,
Извергая арифметику
Сомкнутых уст,
Ломаясь в патетике,
Закажи сорокоуст
Заупокойный,

Выбей обоями
Косточек хруст,
Апельсиновых зерен.
Дай свою руку,
Я буду покорен,
Не покорён,
В сердце тряпичном
Вряд ли когда-нибудь
Вспыхнет спичка,
Но головой тряпочной
Я обещаю трясти,
Как припадочный,
Всякий раз,
Когда вы мне прикажете,
Каждый час.
Без вины виноватый,
Стеклянный глаз
На вас тараща,
Бессловесная кляча,
Терясь в структуре
Фраз,
Выбиваясь из фаз
Расхожести,
Непохожестью
Удивляя прохожих,
Также кундштюками,
Театральными муками,
Клюквенным соком,
Слезами луковыми.

Вы обернетесь?
На обороте
Бумажный солдатик,
Ловлю и роняю малеванный мячик,
Канатоходец,
Полоумный уродец,
Лающий, поющий, мяучащий,
С тенью своей воюющий,
Колесо фортуны вращая,
Разбивая сердца,
Разнимая
Звенья цепочек
Чужих судеб,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.